

«Сибирский форум», март 2014.
<http://sibforum.sfu-kras.ru/node/568>
Александра КАЗАНЦЕВА

Чувство места

Талантливый драматург Юля ТУПИКИНА всего два года назад начала писать пьесы, но о ней уже знают в театральных кругах. Она родилась и выросла в Красноярске, здесь же получила первое образование. Юля любит смеяться и выбивать окружающих из их зоны комфорта. 19 апреля в Красноярском драматическом театре им. Пушкина состоится премьера её пьесы «Ба».

— Юля, почему взрослая приличная девушка с профессией и образованием, не болевшая театром, вдруг пошла на курсы сценаристов?

— Я прочитала книгу Джулии КЭМЕРОН «Путь художника». И поняла, что мне надо идти в этом направлении, заниматься искусством. А перед этим я родила ребёнка, и мне было грустно в декретном отпуске. И так не хотелось снова заниматься рекламой! Появилась потребность максимально самовыразиться. Нужно было найти своё место, область, в которой я смогу сделать что-то так, как больше никто.

И сначала это было увлечение фотографией: как раз накануне беременности я отучилась в фотошколе. В декрете увлечение вроде сохранялось, но я поняла, что это не совсем то... И вот книга Кэмерон меня вдохновила, мне захотелось писать. Где этому научиться? Вспомнила об одногруппнице Ире ВОЛКОВОЙ, которая несколько лет назад окончила Высшие курсы сценаристов и режиссёров, и сейчас работает режиссёром.

Как-то всё правильно сложилось. Если писатель — это было для меня что-то малооплачиваемое, то сценарист — просто более выгодно коммерчески, на сценаристов спрос в наше время больше. И оказалось, что как раз через неделю заканчивался приём документов в мастерскую кинодраматургии. Я прошла собеседование, мне дико всё понравилось. Это великое счастье было — учиться там. На занятия я собиралась буквально как на праздник.

Нас в группе было человек десять, а к выпуску осталось четверо. Сегодня из этих четверых профессией занимаюсь только я. То есть как увлечение драматургия осталась у всех, но зарабатывают на жизнь они чем-то другим. Вот, например, Илья ЗАСЛАВСКИЙ работает в Нью-Йорке нефтегазовым консультантом, а в качестве хобби написал сценарий и снял короткометражку.

Но вообще, мне кажется, драматургическое восприятие начинают воспитывать ещё в школе. На уроках русского языка у нас было задание: давалось четыре картинки, и по ним нужно было написать сочинение. Мне кажется, это очень крутая методика. Так можно научить ребёнка основам сценарного мастерства, когда ему ещё 10 лет. Надеюсь, такие задания есть в современной школе.

— Тем не менее, после школы ты поступила на факультет журналистики в КГУ?

— Да, потому что мне всегда нравилось писать, сочинения — это то, что получалось у меня легче и проще всего. Но мне ещё интересен был английский,

поэтому сначала я ходила на занятия подготовительных курсов пединститута. Кошмар и ужас, будто снова на уроке в средней школе оказалась, там сидела училка и всех долбила. Я подумала: боже мой, только я сбежала из ужасной школы, и по своей воле попасть в такое же жуткое место?

А потом я пошла на подготовительные курсы филфака КГУ. И попала на лекцию Татьяны Михайловны ГРИГОРЬЕВОЙ. И это был совершенно другой уровень! Для меня, натурального подростка с правого берега, со станции Злобино, она была просто инопланетянкой: цитировала Бодуэна де КУРТЭНЭ, рассказывала об МГУ... И отношение к абитуриентам было настолько уважительное, что я поняла: я в нужном месте, здесь хочу учиться. Потом поступила. И все пять лет обучения ощущение, что я в нужном месте, сохранялось. А уехать в Москву или Питер мне тогда не хотелось.

— Но после окончания университета ты уехала в столицу.

— Мне стало скучно. Это было странное время. Все пять лет в университете я подрабатывала в разных газетах, и с каждым годом чувство, что журналистика в нашем городе заканчивается, становилось всё острее. «Мегаполис-здоровье», «Красноярский капитал», — я попадала в газеты чуть ли не за пять минут перед их смертью. А тут мама заговорила о том, что пора бы найти стабильную работу. И я сдуру пошла работать в отдел маркетинга завода комбайнов, где поняла, что не могу больше оставаться в Красноярске.

Для меня весь город превратился в один огромный завод комбайнов, какой-то непрекращающийся индустриальный ужас. И вообще завод стал для меня метафорой России того времени: рядом сосуществуют умирающее старое и пока нелепое новое. Зарплату не платят, но люди не увольняются, комбайны выпускают, но они никому не нужны. Тогда на завод пришёл новый менеджер — Юрий КОРОПАЧИНСКИЙ, интересный человек с продуманным пиаром. Помню историю, как в первые дни его работы на территории завода его окружили рабочие и стали требовать зарплату, а задолженность к тому моменту была какая-то уже фантастическая. И один из рабочих крикнул: «Мне нечем кормить моих детей сегодня вечером!». Коропачинский тут же снял с себя элегантный дорогой, пахнувший парфюмом пиджак и сказал «Продай и купи хлеб своим детям». Ну, это же был явный пиар, причём такой дешёвый. А люди на заводе работали неискушённые, приняли за чистую монету. И эту историю друг другу стали рассказывать, она превратилась в миф.

Мне там было откровенно скучно. В должностные обязанности входило составление поздравлений для партнёров с праздниками, юбилеями. Написание новостей о том, что появился новый комбайн. Проведение конкурсов — лучшие по производительности. Как-то в пресс-службу пришло письмо от детей из сельской школы, в котором они просили подарить им комбайн «Руслан» — а это была новая модель, хит среди комбайнов, красивый, бело-синий. Мне вручили это письмо и сказали «давай-ка, Юля, ответь детям, комбайн им, конечно, никто не подарит, но в кино ты их сводишь». Вот такая странная незамысловатая деятельность.

— А как в Москве оказалась?

— Приехала на свадьбу к подруге, и поразил контраст: там люди были очень

подвижные, готовые к новому, открытые, таким клёвым мне всё показалось! И я вернулась в Красноярск лишь для того, чтобы собрать сумку и уехать уже окончательно.

— Откуда у тебя такая потребность в самовыражении? Ты считаешь, это присуще каждому человеку?

— Мне кажется, это основная задача каждого человека — найти свою нишу, место, где ты — это ты на сто процентов, насколько это возможно в жизни. Поэтому когда говорят, что сейчас время выскочек, время дилетантов, невозможно одновременно заниматься и тем, и другим, — мне это странно. Это ведь как раз очень естественно — открывать свои новые грани. Я вижу в этом залог счастья.

Твоё личное счастье зависит лишь от того, нашёл ли ты свою уникальность, проявляешь ли её. На самом деле, проблема многих людей в возрасте около тридцати в том, что они не чувствуют себя счастливыми. Не могут самореализоваться. И работа вроде есть. И семья у некоторых. Но что-то тяготит, тянет-мает. И вот начинают много путешествовать, что-то всё ищут — да не могут найти... И совсем иначе у человека, который занимается тем, что делает его счастливым. Неважно, учитель он, доктор или инженер. Но он знает, что делает что-то круто и своим способом.

— А, предположим, не сложилось, не нашёл человек своего призвания?

— Очень много таких людей вокруг, немножко потухших, немножко спящих. Они сами не знают, что с ними. Они живут в полусне, потребляют товары, услуги, впечатления, но ничто их не задевает. И нет у них никаких причуд, чудачеств, хобби. Когда человек ничем не увлечён — это признак, что с ним что-то не то. Такие люди — как непротёртые стёклышки. А если протереть, засверкают.

— Вернёмся к тому, что писатели сегодня не так востребованы, как сценаристы. Люди меньше читают?

— Да. На мой взгляд, книжная индустрия сегодня схлопывается, как когда-то журналистика. Такое ощущение, что современные писатели читают друг друга, а больше они особо никому не интересны. Кроме, может, десятка имён. Книжные магазины закрываются. Происходит переход на электронные книги. И люди действительно стали меньше читать. Так много вокруг интересного: качественные сериалы, кино хорошее. А почитать можно социальные сети — блоги. Повсеместное явление сегодня — люди выбрасывают книги. На помойках можно найти отличные собрания сочинений.

— Что ты сейчас читаешь?

— Пьесы современных драматургов, последнее — шорт-лист белорусского конкурса «Свободный театр». Не всё нравится.

— Получается, писатели читают писателей, а драматурги — драматургов?

— Да. Но драматургов ещё читают режиссёры, завлиты. А потом ставят. И интерес к современной драматургии есть, пьесы востребованы.

— Твои пьесы автобиографичны?

— Да, но я пишу всего два года и о событиях, которые происходят со мной в течение этого времени.

— А как же баба Маша — главная героиня пьесы «Ба»?

— Баба Маша, Мария Васильевна, — папина тётя. Она жила с нами, всё моё детство была рядом, умерла несколько лет назад. Хотелось поделиться её историями, её словечками, сохранить, как в музее.

— Недавно, когда в Красноярске проходили гастроли театра Коляды, я столкнулась с тем, что несколько городов тебя делят: красноярский драматург Юля Тупикина? Или московский? А может, екатеринбургский?

— Уже, видимо, екатеринбургский. В Красноярске я родилась и выросла, драматургом стала в Москве, благодаря Олегу ДОРМАНУ и Людмиле ГОЛУБКИНОЙ. А сейчас переехала в Екатеринбург. И первый, кто меня заметил два года назад, был Николай Коляда. Первый конкурс, на котором отметили мою пьесу — «Евразия», конкурс уральской драматургии. Известно, что Коляда своих учеников любит, старается их продвигать. А после нашего знакомства он говорил обо мне тепло, рекомендовал, например, для публикации в журнал «Современная драматургия», и некоторые стали считать, что я его ученица.

— Училась журналистике — работала пиарщицей. Училась кинодраматургии — а пишешь пьесы для театра. Почему у тебя всё так извилисто?

— Оказалось очень сложно пробиться в кинодраматургию, ни одна моя заявка никого не заинтересовала. Всем нужны опытные профессионалы, а в сценарных группах работать — не моё. Вот попыталась работать в «Ворониных», но смогла продержаться всего две недели.

— Почему?

— Там работают ребята-кавээнщики, и посмотреть, как они делают ситком, пишут шутки, создают гэги, — это было бы интересно, потому что у кавээнщиков отлично получается работать командой, и это, кстати, перекликается с американским подходом — в Штатах тоже принято писать сериалы командами. Но создатели сериала «Воронины» уже не ситком создают. Пытаются какую-то мораль донести до зрителей, научить их, как жить. Вот это морализаторство — вообще не моё.

Я поняла, что если ты чувствуешь себя тонко настроенным инструментом, если в твою настройку вкладывались такие мастера, как Дорман и Голубкина, а вдруг ты попадаешь в оркестр, где нужно другое звучание, и тебя пытаются перенастроить, — то есть ли смысл играть в таком оркестре? Неизвестно, как ты будешь после такого опыта звучать. Всегда можно выступить соло.

— Ты в принципе способна на групповую работу?

— По сути своей я одиночка, и мне проще всё делать самой. Или найти людей, с которыми бы мы совпадали идеально. Хотя в «Ворониных» был один человек, с которым я могла бы работать вместе, под его началом. Это приглашённый консультант сериала «Все любят Реймонда» — оригинала, с которого списаны наши «Воронины». С ним было интересно. Стендап-комик, он всё делал с блеском, заряжал юмором, рядом с ним хотелось генерировать шутки. Но он, кстати, не находил взаимопонимания с руководителем нашей сценарной группы.

— Ты создаешь свои миры, героев, которые действуют и говорят так, как ты считаешь нужным. Не хочется ли также манипулировать людьми в реальной жизни?

— Я вообще человек довольно авторитарный, зачастую команду не только персонажами. И это с возрастом усиливается: когда у тебя появляются дети, ты уже должен не играть в демократию, а наоборот, напоминать, кто здесь главный. И любой человек с возрастом становится увереннее в себе, в своей правоте, за ним стоит жизненный опыт. Поэтому, наверное, и пенсионеры такие негибкие.

А драматурги, наоборот, люди гибкие и компромиссные, ведь персонажа нужно услышать, понять его неоднозначность, глубину, посмотреть на него с разных точек зрения. И тут тоже должен быть обязательно жизненный опыт, достаточный, чтобы использовать диалектику, и даже если ты согласна с персонажем, ты должна приводить аргументы против него.

— Как рождаются идеи твоих пьес?

— О, сначала это было проблемой. Когда начала писать, идей не было. Совсем. Я брала журнал «Русский репортёр» и вырезала яркие заголовки, истории, которые меня зацепили. Я не использовала их потом, но это помогло мне задуматься о том, что я хотела бы сказать, раскачало воображение. И первая пьеса — «Бэби-блюз» — была из моей жизни, о моём опыте материнства.

Импульсом к созданию пьесы «Офелия боится воды» стала история из жизни дальних родственников. У них бабушка, страдающая склерозом, каждый день читает одну и ту же книгу, дешёвый детектив. Прочитывает и тут же забывает. И утром следующего дня с удовольствием снова открывает её. Если бы это было не дешёвое чтиво, а, например, классика, «Гамлет»? — задумалась я. И из этого предположения родилась пьеса. А антиутопия «Джульетта выжила» — из сплетения сегодняшних реалий (действие всей пьесы разворачивается по скайпу) и науч-попа.

— Почему ты обратилась к шекспировским героям?

— Это смешно: я прочитала интервью с Николаем Колядой, в котором он сказал: «На что сегодня пойдёт зритель? Вот на «Ромео и Джульетту» точно пойдёт!». И я решила написать про Ромео и Джульетту. И потом мне стало интересно: практически вся литература сконцентрирована на мужчине, его проблемах, его восприятии мира. Женщины редко добивались до пера, и всё

описывалось мужчинами, однобоко и узко. Та же Офелия: использовали девушку и не поинтересовались, что там с ней происходило на самом деле, любила ли она Гамлета, что там у неё на душе было.

— Да ты феминистка.

— Я сейчас как раз закончила довольно феминистскую пьесу «Вертикальная женщина».

— А ты считаешь, что это по-прежнему актуально? Всё еще нет равноправия у женщин и мужчин?

— Да какое там равноправие. Даже праздник феминистский 8 марта мужчины превратили в чёрт те что, вывернули его сущность наизнанку и поздравляют женщин какими-то нелепыми словами: «Мы же вас так любим, вы же такие хорошенькие и красивенькие, так что давайте, улыбайтесь и радуйте нас своим видом». Хотя в этот день нужно говорить о женских правах, и при чём тут вообще мужчины?

В наше время мир по-прежнему остаётся мужским. При равноправии невозможно даже представить, что кто-то начнёт войну, чтобы расширить свою территорию. Женщины такого никогда не захотят, это просто нелепость какая-то. А это снисходительное отношение к женщине, которое настолько привычно, так вошло в нашу жизнь, в нашу речь, что мы этого просто не замечаем: «ну что ты ведёшь себя, как баба!». И для того, чтобы — не бороться, нет — но хотя бы уравнивать два пола, надо это осознать и зафиксировать. И не допускать к себе такого отношения покровительственного или эксплуатирующего твою сексуальность. В первую очередь — женщинам, которые часто с удовольствием играют в эти игры.

— Как ты работаешь над пьесой?

— Это одновременно мучительный и приятный процесс. Ты ищешь образы, сюжетные повороты, верные интонации, и что бы ты ни делала, ты всегда пишешь пьесу. Зато когда всё складывается, приходит ощущение, что время идёт не зря. Для меня самое важное — придумать и понять персонажей, почувствовать их, а дальше уже они сами выстраивают логику сюжета.

— А когда пьеса завершена?

— Радость. Хочется её всем показывать, делиться. Будто после рождения ребёнка — хочется принимать поздравления. А через неделю — писать следующую.

— Но потом приходит время, когда на этого ребёнка обращает внимание чужой человек, режиссёр, и, с одной стороны, это прекрасно — заметили, а с другой — как же отдать в чужие руки, не опасливо?

— Нет, режиссёр ведь выступает как соавтор. Он, пропустив через себя твою пьесу, может увидеть свои смыслы. Это так здорово, это как второй родитель.

— А актёры? Ты мучительно создаёшь персонаж, а потом оказывается, что актёр совсем не соответствует твоим представлениям.

— Я пока не видела постановок своих пьес: в Красноярске и Екатеринбурге их ещё готовят, а до Саратова никак не могу доехать. Но я была на читках нескольких своих пьес. И, конечно же, там всё совсем по-другому. Но это не травмирует меня, это интересно. Иногда хочется исправить неточности: у меня в «Ба», например, героиня говорит «привет от старых щиблет», актёры часто говорят «штиблет», что, конечно, правильнее, но не соответствует характеру персонажа. Это такая деревенская норма, как «спинжак» вместо пиджак.

От актёров очень многое зависит, иногда на читке некоторые шутки вообще исчезают. С другой стороны, у некоторых актёров и там, где я не закладывала юмора, зал взрывается смехом.

— А юмор — это так важно?

— Да, в жизни ведь всё перемешано, пронизано юмором, в любом конфликте можно найти смешные стороны.

— В сегодняшней ситуации в России ты тоже видишь юмор?

— Это юмор в стиле Салтыкова-Щедрина. Когда приятно посмеяться над такими историями, прочитав их в книжке. Жить в рассказах Салтыкова-Щедрина уже не так смешно. Но всегда актуально для России.

Или юмор «Ревизора» Гоголя — эта гениальная комедия написана о нашей жизни всегда. И в девяностые она была о нашей жизни, и в двухтысячные, и сегодня. Какой-то бесконечный повторяющийся «Ревизор». Недавно в Дагестане «Ревизора» поставили, переписав концовку Гоголя. Там ревизора подкупают. И спектакль — о том, что на свете нет ничего, что нельзя было бы купить.

— Насколько отличается работа с языком у журналиста и драматурга?

— Очень. Для журналиста важно передать мысль, для драматурга, как и любого литератора, — подслушать музыку речи, даже если это коряво, перегружено сорняками-паразитами. Вот Рената ЛИТВИНОВА подслушала фразу «Ну чё-то как-то даже я не зна-а-аю». Это ценно. Эта мелодика отличает художественный текст от журналистского.

— Какие задачи ты ставишь перед собой? Чего ты хочешь от зрителя?

— Мне очень важно пощекотать нервы зрителю. Ударить. Немного помучить.

— Юлия, жизнь и без того непростая, а тут еще ты... Так и в театр никто не пойдёт.

— Но ведь потом будет облегчение. И очищение. Я помню первый спектакль, который меня поразил. В старших классах мы пошли в наш театр им. Пушкина на «Продавца дождя». Я впервые плакала от того, что происходило на сцене. И потом ещё раз пошла на этот спектакль. Важно зацепить зрителя, вытащить его

из привычного состояния, выбить из зоны комфорта. Искусство же — лекарство. Иногда горькое, но всегда приносит облегчение, лечит.

— Какие места в Красноярске для тебя дороги?

— Я обожаю КМЦ. Когда приезжаю в Красноярск, обязательно иду туда, смотрю выставки. Мне кажется, это какое-то самое важное место в Красноярске, и без него в городе было бы просто невыносимо. Это средоточие культурной жизни: выставки, биеннале, музейные ночи. Ведь есть же в Красноярске культурная жизнь, и довольно активная!

— Что должно произойти, чтобы ты вернулась в Красноярск?

— Если бы влюбилась в какого-то крутого парня из Красноярска. Год назад. Потому что сейчас при схожих обстоятельствах я переехала в Екатеринбург.